

Конструирование ЯЗЫКОВ

от эсперанто до дотракийского

АЛЕКСАНДР ПИПЕРСКИ

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Библиотека ПостНауки

Александр Пиперски

**Конструирование языков: От
эсперанто до дотракийского**

«Альпина Диджитал»

2017

Пиперски А. Ч.

Конструирование языков: От эсперанто до дотракийского /
А. Ч. Пиперски — «Альпина Диджитал», 2017 — (Библиотека
ПостНауки)

ISBN 978-5-9614-4520-6

Почему люди создают свои собственные новые языки – конланги, когда в мире насчитывается 7000 естественных языков? Какие бывают искусственные языки? Чем они похожи на естественные языки, а чем отличаются от них? Каковы их перспективы в современном мире? Александр Пиперски, автор книги «Конструирование языков: От эсперанто до дотракийского», рассказывает, что люди изобретают языки с самыми разными целями: для того чтобы достичь логического идеала, для того чтобы лучше понимать друг друга, или просто для того, чтобы доставить себе и другим эстетическое удовольствие. За каждым искусственным языком стоят интересные личности и драматичные истории успехов или неудач. Эсперанто, сольресоль, ро, трансцендентная алгебра, квенья, блиссимволика, паленео, на'ви, дотракийский – это далеко не полный список языков, о которых пойдет речь в этой книге как с лингвистической, так и с исторической точки зрения. Книга серии «Библиотека ПостНауки», выпускаемой издательством «Альпина нон-фикшн» совместно с ИД «ПостНаука».

ISBN 978-5-9614-4520-6

© Пиперски А. Ч., 2017
© Альпина Диджитал, 2017

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Искусственные языки и лингвистика	7
Какие бывают искусственные языки?	11
Как устроена эта книга	14
1. Недостижимый идеал	16
Рецепт философского языка	16
Lingua ignota	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19
Комментарии	

Александр Пиперски

Конструирование языков: От эсперанто до дотракийского

Главный редактор серии *И. Максutow*

Научный редактор *И. Держанский*

Редактор *Н. Нарциссова*

Куратор серии *Д. Петушкова*

Дизайн обложки *А. Стельмашук*

Руководитель проекта *А. Тарасова*

Корректор *Е. Сметанникова*

Компьютерная верстка *М. Поташкин*

© Пиперски А., 2017

© НП «Редакционно-издательский дом «ПостНаука», 2017

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2017

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

Предисловие

Saluton! 𐀀𐀁𐀂𐀃𐀄 (nuqneH)? M'athchomaroon! ○ —→ ←—

Я только что поприветствовал вас на четырех языках: эсперанто, клингонском, дотракийском и блиссимволике. У всех них есть одно общее свойство: они рукотворны. Ни один не возник сам по себе, у каждого есть создатель, который сконструировал этот язык с той или иной целью.

Книга, которую вы держите в руках, посвящена искусственным языкам и их изобретателям. Мир искусственных языков столь красочен и разнообразен, что было бы даже жаль писать о них строгую теоретическую работу. Именно поэтому основную часть книги составляют рассказы об искусственных языках – в общей сложности примерно 30 – и об их создателях. Но и просто собрание диковинок – это не слишком интересно, и потому каждая глава начинается с теоретических рассуждений, ставящих тот или иной тип искусственных языков в контекст лингвистической теории, после чего и следует разбор конкретных примеров.

Эта книга не была бы написана, если бы мне не оказывали помощь и поддержку многие люди, которым я хочу сказать спасибо.

В первую очередь – редакции проекта «ПостНаука», благодаря которому и появилась книга. Анна Козыревская предложила мне сочинить для сайта небольшой текст об искусственных языках в литературе (и, что в таком деле еще существеннее, не один раз напомнила мне, чтобы я его написал). Ивар Максutow, задумав серию «Библиотека ПостНауки», предложил мне расширить этот текст до масштабов книги. Софья Панина взяла на себя работу с рукописью, которую затем продолжила Дарья Петушкова – ее советы и замечания принесли книге большую пользу.

Также я благодарю издательство «Альпина нон-фикшн», которое взяло на себя публикацию книги.

Сложно выразить в нескольких словах ту благодарность, которую я испытываю к моему научному редактору Ивану Держанскому. Без его обширнейших познаний, внимательности к деталям и полемического задора, с которым он читал мою книгу, в ней было бы гораздо больше ошибок. Спасибо Александру Бердичевскому и Елене Мартыновой, опубликовавшим некоторые из задач, вошедших в книгу, в разделе лингвистических задач на сайте «Элементы» и редактировавшим мои решения и послесловия к ним.

Я благодарен за помощь моим друзьям и коллегам, которые поддерживали меня в работе, читали отдельные части этой книги и дали мне немало ценных советов: Борису Иомдину, Антону Кухто и Антону Сомину. Спасибо Максиму Кронгаузу и Виктору Сонькину, чьи научно-популярные книги служили мне образцом для подражания.

Особое спасибо моей матери Елене Галинской и моей жене Марии Коношенко, которые не только поддерживают меня во всех моих начинаниях, но и внимательно прочитали рукопись этой книги и высказали множество ценных соображений. Спасибо и моей бабушке Ирине Галинской, моему отцу Чедо Пиперски и моему сыну Владиславу, на первый месяц жизни которого как раз и пришлось дописывание этой книги.

Разумеется, никто из тех, кого я перечислил выше, не несет ответственности за ошибки и недочеты, которые наверняка обнаружат внимательные читатели: все это остается на моей совести.

Введение

Искусственные языки и лингвистика

В современном мире насчитывается около 7000 языков. Это настолько много, что один человек не способен в полной мере освоить даже ничтожную долю этого разнообразия. Знаменитый полиглот кардинал Меццофанти (1774–1849) знал три десятка европейских и ближневосточных языков и еще десяток более экзотических (хотя тут сложнее проверить, действительно ли он их знал)^[1] – и все равно это меньше, чем 1 % языкового разнообразия мира. Более того, большая часть известных Меццофанти языков относились к одной языковой семье – индоевропейской: итальянский, латинский, португальский, испанский, албанский, греческий, английский, русский и так далее.

Но, несмотря на то что все разнообразие языков мира не подвластно никому из нас, естественными языками оно не исчерпывается: многие люди занимаются **лингвоконструированием**: придумывают свои собственные новые языки – **конланги** (от английского constructed languages). Одни делают это для развлечения, другие – ради всеобщей пользы; одни изобретают язык и забывают о нем через неделю, другие потом совершенствуют свое изобретение всю жизнь; одни оставляют описание нового языка лежать в ящике стола, а другие публикуют книги, рассчитывая на широкое распространение. Многие из этих языков прочно вошли в нашу культуру: любой из нас что-то слышал об эсперанто или о клингонском.

Но приходится сразу сказать, что лингвистическая наука обычно не считает искусственные языки достойным объектом исследования. Более того, многие ученые-лингвисты даже на знание искусственных языков смотрят со скепсисом. Если про кого-то становится известно, что этот человек знает эсперанто, такие лингвисты начинают снисходительно покачивать головой – что ж, у всех есть свои маленькие слабости (а если этот человек им не нравится, то говорят: «Ну, все ясно»). Традиционное отношение науки к искусственным языкам наглядно иллюстрирует фрагмент статьи «Искусственный язык» в энциклопедическом словаре «Язык и лингвистика: ключевые понятия», написанном известным британско-американским лингвистом Ларри Траском в соавторстве с Питером Стокуэллом:

Многие из ранних искусственных языков были созданы философами и имели *априорную* природу; это означает, что они не опирались на существующие языки, а были составлены по произвольным принципам, которые пришлось по вкусу их изобретателям. Многие из них задумывались как «универсальные» или «логические» языки и основывались на грандиозных схемах классификации всего человеческого знания. Все эти проекты были абсолютно несбыточны. К числу наиболее успешных попыток принадлежат изобретения француза Декарта, шотландца Дальгарно и англичанина Уилкинса.

Начиная с XIX в. искусственные языки обычно были *апостериорными*, то есть основанными в той или иной мере на существующих. Их сочиняли лингвисты, логики, священники, политики, окулисты и бизнесмены. #...# В 1880 г. немецкий священник Шлейер опубликовал проект языка волапюк, неуклюжую и сложную смесь нескольких европейских языков с громоздкими окончаниями его собственного изобретения; получилось что-то вроде шведского языка, приправленного толикой безумия, но за несколько лет этот язык привлек сотни тысяч последователей. В 1887 г. польский окулист

Заменгоф представил публике проект эсперанто, более простого языка, также скроенного из кусочков нескольких европейских языков, и он стал самым изучаемым и используемым искусственным языком в мире.

В эсперанто все же есть ряд затруднительных особенностей, и поэтому начали создаваться упрощенные версии этого языка: идо, эсперантидо, эсперантуишо и современный эсперанто. Их успех был минимален. Датский лингвист Есперсен создал сильно видоизмененную версию эсперанто под названием новиаль, которая не вызвала большого интереса. #...# В XX в. были предложены и десятки других проектов, исчезнувших без следа.

#...# Наконец, **логланги** (логические языки), в частности языки программирования, могут иметь практическую ценность, но большинство из них (например, логлан и его потомок ложбан, который поддерживается Группой логического языка) демонстрируют в корне неправильное понимание того, что такое язык и для чего он нужен^[2].

Читатель наверняка уже утомлен длинной цитатой, поэтому я не буду для сравнения приводить другие статьи из этого словаря. Скажу лишь, что они совершенно лишены такого ерничества и злорадства. Показательно, что эта статья – чуть ли не единственная, где персонажи презрительно называются по фамилиям, без имен: даже в статье «Языковые мифы», где развенчивается тот же Есперсен, говорится, что его звали Отто.

Но если присмотреться, то окажется, что искусственные языки могут быть полезны для лингвистической теории – и даже Траск и Стокуэлл, если очистить их текст от наслоений желчи, дают намек на то, в чем может заключаться эта польза. Да, пусть ранние философские языки были неудачны, волапук неуклюж, а создатель логлана в корне неправильно понимал, что такое язык. Но кто те люди, которые понимают это правильно? И могут ли они понимать это, если работают только с естественными языками и знают, какими они бывают, но не могут отрешиться от них и представить себе, какими они **не** бывают?

Отечественный лингвист Лев Щерба писал:

Не ожидая того, что какой-то писатель употребит тот или иной оборот, то или иное сочетание, можно произвольно сочетать слова и, систематически заменяя одно другим, меняя их порядок, интонацию, и т. п., наблюдать получающиеся при этом смысловые различия, что мы постоянно и делаем, когда что-нибудь пишем. #...# Ведь надо иметь в виду, что в «текстах» лингвистов обыкновенно отсутствуют неудачные высказывания, между тем как весьма важную составную часть языкового материала образуют именно неудачные высказывания с отметкой «так не говорят», которые я буду называть «отрицательным языковым материалом». Роль этого отрицательного материала громадна и совершенно еще не оценена в языкознании, насколько мне известно^[3].

Щерба имеет в виду очень простую идею, которая фактически лежит в основе всего современного синтаксиса: надо не только исследовать те предложения, которые кажутся нам правильными, но и немного менять их, чтобы «сломать», придать им неправильность. Предложение, которое кажется носителям языка неприемлемым, делает то правило, которое в нем нарушается, намного более рельефным и заметным. Так, если изучать согласование в русском языке, мы можем посмотреть на предложения (1–3) и убедиться, что первые два из них естественны, а третье явно неправильно (неправильность обозначается звездочкой; примеры взяты из статьи Ольги Пекелис^[4]):

- (1) *У Сережи моментально менялись тон и выражение лица.*
- (2) *У Сережи моментально менялся тон и выражение лица.*

(3) *У Сержи моментально менялось тон и выражение лица.

Отсюда мы можем сделать вывод, что согласование в таких предложениях возможно либо по множественному числу, либо по признакам первого из членов, соединенных союзом *и*, но не по признакам второго: мужской род от *тон* взять можно, а средний род от *выражение* – нельзя. Посмотрев на это, можно изучать согласование дальше и думать, от чего еще оно зависит: например, изменится ли что-то, если поставить сказуемое после подлежащих? Можно проверить по большому собранию текстов, как часто употребляется тот или иной из вариантов. Можно попробовать дать происходящему какую-то теоретическую интерпретацию. Но, как бы то ни было, первый шаг, с которого мы начали, – построили то, чего **не** бывает, и задумались: а почему так?

Ту же самую роль выполняют и искусственные языки на фоне естественных. Иногда, взглянув на искусственный язык, лингвист восклицает: «Это чушь! Так не бывает!» Но именно в этот момент стоит остановиться и подумать: а почему так не бывает?

Известный нидерландский лингвист Марк ван Остендорп в 2000 г. написал статью «Искусственные языки и лингвистическая теория»^[5], в которой предложил различать не только естественные и искусственные языки, но и языки реальные, потенциальные и невозможные. Любой естественный язык по определению реален, а вот с искусственными все не так просто: они могут относиться к любой из трех категорий. Полноценно ответить на вопрос, что возможно, а что нет, мы пока не способны. Неясно, какими особенностями должен обладать невозможный язык, и столь же неясно, что такое невозможность языка вообще: значит ли это, что *Homo sapiens* не сможет его выучить? Не сможет на нем говорить? Сможет выучить и говорить, но этот язык не передастся детям? Но, несмотря на все сложности и неясности, по крайней мере задумываться об этом стоит.

Ван Остендорп упоминает споканский язык, изобретенный его соотечественником Роландом Твехейсеном. «У споканского есть черты, которые совершенно не засвидетельствованы в других (естественных) языках», – пишет ван Остендорп. В качестве примера невозможной черты он приводит тесную связь глагольного времени с порядком слов: дело в том, что по-спокански в настоящем времени (Твехейсен называет его «нейтральным») сперва идет подлежащее, потом сказуемое, потом дополнение, в прошедшем («определенном») времени – сперва подлежащее, затем дополнение, затем сказуемое, а в будущем – сперва сказуемое, за ним подлежащее, а следом дополнение^[6]:

(4) *Miko trempe ef român*

'Мико читает роман.

(5) *Miko ef român trempe*

'Мико прочитал роман.

(6) *Trempe Miko ef român*

'Мико прочитает роман.

С точки зрения привычных нам естественных языков это очень странно. Кажется, что так не бывает. Но почему это более странно, чем ситуация, когда в настоящем времени глагол изменяется по лицам, а в прошедшем – по родам, как в русском языке (*читаю, читаешь, читает ~ читал, читала, читало*)? А, скажем, в грузинском языке от времени зависит то, какими падежами обозначаются участники ситуации – и это уже не так разительно отличается от ситуации в споканском языке.

Более того, если расширить кругозор, окажется, что это не невозможная черта. Например, именно так устроено время в языке аттие (Кот-д'Ивуар)^[7]. Вот несколько примеров предложений на этом языке (в упрощенной транскрипции), из которых видно, что в этом языке в настоящем времени используется порядок слов Подлежащее – Дополнение – Сказуемое, а в прошедшем времени – Подлежащее – Сказуемое – Дополнение^[8]:

- (7) *adiu kœ fjε*
 Аду рыба коптить
 ‘Аду коптит рыбу’.
- (8) *adiu fi kœ*
 Аду коптить рыба
 ‘Аду закоптил рыбу’.
- (9) *adiu jari fε*
 Аду Япи утомлять
 ‘Аду утомляет Япи’.
- (10) *adiu fε jari*
 Аду утомлять Япи
 ‘Аду утомил Япи’.

Вот и получается, что даже невозможное на самом деле иногда возможно, а значит, не стоит так уж скептически относиться к искусственным языкам. Иногда они в самых неожиданных точках грамматики вполне соответствуют реальности, даже если эта реальность и не была известна ни их создателям, ни критикам.

Именно поэтому я буду стоять в этой книге на позиции заинтересованного наблюдателя, а не едкого критика: если искусственный язык в чем-то непохож на естественные, это не повод бросать в его автора камни, а, наоборот, интересная пища для размышлений. Правда, ван Остендорп подчеркивает, что лингвисты, стремясь к естественнонаучному идеалу – исследовать только спонтанно развивающиеся объекты, которые подчиняются непреложным законам, не видят смысла в том, чтобы изучать проявления свободной воли отдельного человека, к числу которых относятся искусственные языки. Но, с другой стороны, проявления свободной человеческой воли активно изучаются литературоведением, искусствоведением, музыковедением. Может быть, для того, чтобы не волновать лингвистов и не заставлять исследователей и создателей искусственных языков ничего им доказывать, стоит признать, что наука об искусственных языках – это просто другая, отдельная область знаний. Но, как бы то ни было, кажется, что лингвистике стоит вести ее под руку, как младшую сестру, а не презрительно поворачиваться к ней спиной.

Какие бывают искусственные языки?

Мир искусственных языков очень разнообразен, и поэтому сразу же возникает желание упорядочить его и сделать обозримым. Очевидно, для этого нужно построить классификацию таких языков. Обычно в подобные классификации включаются два параметра: с какой целью создавался язык и создавался ли он с нуля или на основе каких-то существующих языков.

Начнем с целей, которые могут быть довольно разнообразны. Одно из самых популярных предназначений искусственных языков – совершенствовать человеческое мышление, создав новый, стройный и логичный язык. Эта цель тесно связана с так называемой гипотезой лингвистической относительности, или гипотезой Сепира – Уорфа: язык влияет на мышление людей, говорящих на нем. Она была сформулирована в XX в., но лингвисты и интересующиеся языками люди так или иначе задумывались об этой проблематике и раньше. Если гипотеза лингвистической относительности обоснованна и язык действительно влияет на мышление, не означает ли это, что недостатки естественных языков затрудняют наше интеллектуальное развитие и препятствуют мыслительным процессам? А если так, то не изобрести ли язык, который будет устроен строго логично и в котором не будет изъянов? Именно такими идеями, стремясь к совершенствованию языка, а через него в конечном счете и мышления, обычно руководствуются создатели языков, которые называются **философскими** или **логическими**. Иногда также встречается термин **энджланги** от английского *engineered languages*. Философские и логические языки, как правило, бывают известны в довольно узких кругах; из недавних изобретений такого рода чаще всего вспоминают логлан и ложбан.

Но лингвоконструирование может не претендовать на создание идеала, а преследовать куда более практическую цель: обеспечить взаимопонимание между людьми. Понятно, что при том количестве языков, которое есть в мире, часто возникают ситуации, когда людям надо взаимодействовать с теми, кто не говорит на их родном языке. Иногда в таких случаях роль языка-посредника берет на себя какой-то существующий язык: так, на территории России распространено больше полутора сотен языков, но их носители обычно общаются между собой по-русски. На международных конференциях люди обычно общаются по-английски, каковы бы ни были их родные языки. Однако может возникнуть ощущение, что это не вполне справедливо – выделять один язык из множества, придавая ему особый статус. Именно этим соображением и обусловлено еще одно направление лингвоконструирования – создание **международных вспомогательных** языков, или **аукслангов** (от английского *auxiliary language* 'вспомогательный язык'). Самый известный и популярный представитель таких языков – это, конечно же, эсперанто. А наука, которая занимается их изучением, называется **интерлингвистикой**.

Кроме того, искусственные языки можно создавать и просто для удовольствия или художественных нужд. Если вы пишете фантастический роман о жителях далекой планеты, в сущности, довольно странно, если они будут говорить по-русски, по-английски или на каком-то еще земном языке. Разумеется, об этом мало кто задумается, но если задумается сам автор, то ему может захотеться создать для своих персонажей особый язык или хотя бы несколькими штрихами показать, что он существует¹. Таких языков, на которых говорят обитатели вымышленных миров, было изобретено довольно много. Они называются **художественными** языками, или **артлангами** (от английского *artistic language* 'художественный язык'). Некоторые из них разработаны хорошо и имеют подробную грамматику, например клингонский язык в

¹ Здесь может возникнуть возражение: если речь идет о жителях далекой планеты, почему они вообще должны пользоваться коммуникативной системой, похожей на человеческий язык, а не общаться с помощью электрических сигналов или чего-нибудь доступного только отсутствующему у нас шестому чувству? Но этот вопрос, пожалуй, заведет нас слишком далеко.

сериале «Звездный путь» или языки квенья и синдарин у Толкина, а некоторые хуже – порой авторы ограничиваются парой непривычно звучащих слов.

Разумеется, границы между типами довольно размыты – так, звездный язык Велимира Хлебникова можно считать философским, потому что он претендует на проникновение в глубинные тайны мироздания, а можно – художественным, поскольку в первую очередь он стал известен как составной элемент художественных произведений поэта.

Второй параметр, кроме цели создания, по которому можно классифицировать искусственные языки, – откуда их изобретатели черпают лексический и грамматический материал. Есть два основных пути: можно взять за основу один или несколько существующих языков, а можно придумать все с нуля. Языки, которые основываются на других, называются **апостериорными** (ведь когда мы о чем-то судим апостериори, мы опираемся на уже известные факты и опыт). Напротив, языки, изобретенные из ничего, называются **априорными** (когда мы судим о чем-то априори, мы не опираемся ни на что). Эсперанто, словарь которого построен на основе европейских языков, – пример апостериорного языка, тогда как логические и философские языки чаще всего бывают априорными. Разумеется, и тут есть промежуточные случаи – например, когда часть слов в языке берется из имеющихся источников, а часть создается с нуля.

В пространстве, имеющем два измерения – цель создания и источник языкового материала, и можно расположить все искусственные языки. Но, пожалуй, стоит упомянуть, что не слишком далеки от них и некоторые языки – объекты изучения вполне традиционной лингвистики. Речь идет, во-первых, об искусственных литературных стандартах, которые создаются волевым решением нормализаторов на основе нескольких диалектов, – таков, к примеру, современный немецкий литературный язык. Фактически это не что иное, как апостериорные вспомогательные языки, с той только разницей, что они предназначены не для общения между разными народами, а для общения представителей одного народа, говорящих на разных диалектах. Во-вторых, это реконструированные древние языки (не случайно в словах *реконструкция* и *лингвоконструирование* один и тот же латинский корень), например праиндоевропейский. Не будет большим преувеличением сказать, что такие реконструкции обычно обладают гораздо более регулярной и четкой грамматикой, чем наблюдаемые языки, поскольку сама процедура сравнительно-исторической реконструкции предусматривает пошаговое снятие нелогичностей. В-третьих, это языки, сочиненные специально для научных нужд – для описания семантики или лингвистических экспериментов. Обо всем этом мы тоже будем говорить, хотя обычно такие темы в книгах об искусственных языках не поднимаются.

Классификация по функции тесно связана с хронологией развития искусственных языков, но не вполне соответствует ей. Нельзя строго утверждать, что один тип в истории лингвоконструирования последовательно сменялся другим, но все же можно сказать, что европейское Средневековье и в особенности раннее Новое время – это период интереса к философским языкам. Время стандартизации и создания языковых норм – примерно вторая половина II тысячелетия: где-то эти процессы происходили раньше, где-то позже. Конец XIX в. и первая половина XX в. стали временем расцвета международных вспомогательных языков, и это легко объяснимо тем, что именно в это время технический прогресс позволил людям из разных стран куда активнее общаться друг с другом. Примерно на середину XX в. пришелся пик интереса к универсальным пиктографическим языкам. Языки художественных произведений в том или ином виде существовали давно, но особенно многочисленными они стали с середины XX в. – этому поспособствовали, во-первых, популярность Дж. Р. Р. Толкина, а во-вторых, широкое увлечение научной фантастикой, которое потребовало изобретать языки для жителей иных миров. Наконец, сконструированные языки, используемые в лингвистике, существуют примерно последние две сотни лет.

Разумеется, раз уж я позволяю себе расширять понятие искусственного языка, можно было бы объявить искусственными языками и языки специального назначения, выработанные

в других науках и областях человеческой деятельности: языки программирования, музыкальную нотацию и так далее. Но поскольку надо все-таки чем-то ограничиваться, я не стану выходить за пределы собственно лингвистики – хотя как раз музыкальная нотация будет упомянута в главе 3, но не сама по себе, а в связи с искусственным языком сольресоль.

Как устроена эта книга

Всем вышесказанным и определяется структура книги. В главе 1 речь пойдет о логических и философских языках, которые похожи на естественные языки тем, что пользуются звуками или, по крайней мере, буквами. В главе 2 говорится о языках, по сути также претендующих на логичность и выражение глубинных свойств мироустройства, но не с помощью звуков и букв, а с помощью картинок. Авторы таких языков обычно пытаются добиться универсальной понятности, поэтому от них один шаг до языков, описанных в главе 3, – международных вспомогательных. А от них еще один шаг до социально одобряемого лингвоконструирования – создания языковых норм на основе уже существующих живых, а иногда и мертвых языков и диалектов; об этом и будет говориться в главе 4. Глава 5 включает в себе обзор артлангов – языков художественных произведений, а в главе 6 речь пойдет об искусственных языках, которые используются для нужд «серьезной» лингвистической науки.

«Очевидно, не существует классификации мира, которая не была бы произвольной и проблематичной», – писал Хорхе Луис Борхес в эссе «Аналитический язык Джона Уилкинса»^[9], которое еще будет процитировано в главе 1. Это касается даже классификаций такой небольшой части мира, как искусственные языки. Поэтому не судите строго, если вам покажется, что какой-то язык должен был попасть не в ту главу.

Следует сделать еще одно важное замечание: эта книга несколько не претендует на полноту и всеохватность. Если читатель интересуется более полными списками искусственных языков, я адресую его к книге Александра Дуличенко «Международные вспомогательные языки» (1991)^[10], к книге Умберто Эко «Поиски совершенного языка в европейской культуре» (1993)^[11], к книге «В мире вымышленных языков», к книге Марины Сидоровой и Оксаны Шуваловой «Интернет-лингвистика: вымышленные языки» (2006)^[12], к книге Арики Окрент «В стране изобретенных языков» (2009)^[13] и к «Словарю вымышленных языков» Стивена Роджерса (2011)^[14]. Тем, кто хочет сочинять языки на научной основе, можно порекомендовать «Искусство изобретения языков» Дэвида Петерсона (2015)^[15]. Кроме того, сайт Арики Окрент inthelandofinventedlanguages.com содержит список из 500 наиболее значимых искусственных языков с датой создания, именем изобретателя и примерами^[16]. Разумеется, о многих искусственных языках можно прочитать и в Википедии, особенно англоязычной. Цель этой книги не полнота, а скорее отбор наиболее интересных искусственных языков и включение их в контекст традиционной лингвистики. Рассматривая каждый из них, я стараюсь рассказать, чем он похож на естественно возникшие и естественно развивающиеся языки и чем отличается от них. Именно этот вопрос и будет стоять в центре внимания на протяжении всей книги.

Рассказы о языках написаны с разной степенью подробности. Пожалуй, выучить по этой книге можно не больше трех из них – и то лишь потому, что о них мало что известно. Но надеюсь, что заинтересоваться можно всеми или почти всеми. Я старался немного рассказать об истории создания каждого языка и сообщить несколько занимательных фактов из области его грамматики и лексики.

Больше десяти лет занимаясь организацией олимпиад по лингвистике для школьников, я уверился в том, что лингвистические знания лучше всего запоминаются, если додуматься до них самостоятельно, а не получить их в готовом разжеванном виде. Именно поэтому в книгу включены 10 самостоятельных лингвистических задач. Не пугайтесь их: если вам, например, даны несколько слов на языке эсперанто и их значения, а потом от вас требуется перевести на эсперанто еще какие-то русские слова, это вовсе не означает, что вы должны знать эсперанто. Имеется в виду, что вы должны применить логику к тому материалу, который дан в задаче, установить закономерности языка эсперанто и, пользуясь этим, получить переводы. Во всех задачах это можно сделать – некоторые займут у вас одну минуту, некоторые, может быть,

потребуют провести четверть часа с карандашом и бумагой. Ну а если вы не хотите тратить время на решение задач, все они снабжены подробными пошаговыми решениями.

1. Недостижимый идеал

Рецепт философского языка

Философские и логические языки обычно создаются для того, чтобы изменить наше восприятие мира. Чаще всего их создатели апеллируют к несовершенству обычных человеческих языков, которые не позволяют выражать мысли однозначно и четко. Действительно, в привычных нам языках можно найти множество разного рода кажущихся или даже не кажущихся, а вполне явных нелогичностей.

К примеру, мы знаем, что в русском языке есть категория грамматического рода, которая заставляет нас различать по родам даже обозначения неодушевленных объектов: *стена* по-русски как бы женщина, *потолок* – как бы мужчина, а *окно* – как бы не мужчина и не женщина. Вероятно, это влияет на наше восприятие действительности; например, *луна* у носителей русского языка скорее ассоциируется с женским началом, а *месяц* – с мужским. Так, Онегин сравнивает Ольгу Ларину с луной, и нам это кажется совершенно естественным:

В чертах у Ольги жизни нет.
Точь-в-точь в Вандиковой Мадонне:
Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне.

А в известной считалке месяц наделяется явно маскулинными свойствами:

Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана:
«Буду резать, буду бить,
все равно тебе водить».

Нисколько не посягая на гендерное равноправие, я призываю читателя задуматься, что было бы немного странно, если бы этот текст начинался, скажем, так:

Луна вышла из тумана,
Нож достала из кармана...

Но вдруг в луне все-таки есть что-то явно женское, а в месяце – что-то явно мужское? Германские народы так не считают. Англичане в полной луне видят мужчину – *Man in the Moon*, а не *Woman in the Moon* или хотя бы *Person in the Moon*, а у немцев луна мужского рода: *der Mond*. Но на всякий случай возьмем другой, совсем уж чистый пример: почему *табурет* – мужчина, а *табуретка* – женщина, хотя это совершенно одно и то же? Более того, при выборе рода в языках мира встречаются и явные противоречия логике. Например, в сербском во множественном числе различаются три рода – мужской, женский и средний, что хорошо видно в окончаниях прилагательных: *стари мушкарци* 'старые мужчины' (мужской род), *старе жене* 'старые женщины' (женский род), *стара села* 'старые села' (средний род). Если речь идет о группах лиц одного пола, все понятно: когда говорим о мужчинах, выбираем мужской род, а когда говорим о женщинах – женский:

(11) *Милан и Александар су стари*

'Милан и Александр старые'.

(12) *Милица и Драга су старе*

'Милица и Драга старые'.

Но если говорится о смешанной группе, в таких случаях выбирается мужской род:

(13) *Милан и Милица су стари*

'Милан и Милица старые'.

Возникает естественный вопрос: разве это логично? Не становится же Милица мужчиной от того, что она упоминается рядом с Миланом! Но в большинстве индоевропейских языков, различающих род во множественном числе, ситуация именно такова (особняком стоит исландский язык, где в такой фразе был бы употреблен политкорректный средний род). Можно ли мириться с подобными странностями?

Похожие нелогичности можно встретить в любом языке. К примеру, английское выражение *to fall in love with somebody* 'влюбиться в кого-то' буквально означает 'упасть в любовь с кем-то'. Вообще говоря, если вы вдвоем упали в любовь, логично предполагать, что вы вдвоем в ней и находитесь и любите друг друга взаимно – но увы! Это английское выражение обозначает одностороннее чувство и совершенно не подразумевает взаимности. Если *John fell in love with Mary*, отнюдь не исключено, что Мэри при этом любит вовсе не Джона, а какого-нибудь Питера. Таким образом, присмотревшись к английскому выражению, мы убеждаемся, что оно устроено совсем не логично.

А вот еще один пример из русской грамматики. Возьмем словосочетания с числительными *два, три* и *четыре* – мы говорим: *две страны, три стола, четыре села*, употребляя при этом существительное в единственном числе (что *страны* и *села* – единственное, а не множественное число, легко убедиться по ударению: *стра́ны*, а не *стра́ны* и *се́ла*, а не *се́ла*). Однако если мы пойдем дальше по натуральному ряду, то обнаружим уже множественное число: *пять стран, шесть столов, семь сёл*. Так будет продолжаться еще довольно долго, пока мы не дойдем до числительного *двадцать один*: *двадцать одна страна, двадцать один стол, двадцать одно село*. Затем еще три числительных, требующих единственного числа, затем снова множественное, а начиная с 31 все снова так же, как в случае с 21 и далее. Можно ли рационально объяснить, почему единственное число употребляется в русском языке после числительных 1, 2, 3, 4, 21, 22, 23, 24, 31, ...? Заметим, кстати, что в английском языке система гораздо стройнее: *two countries, three countries, twenty-one countries* – везде при числительных больше 1 мы находим множественное число.

Таких необъяснимых вещей в естественных языках огромное множество. И именно от них обычно стараются избавиться создатели искусственных языков разных типов: создатели философских языков борются с несуразностями классификации, а создатели логических и вспомогательных языков чаще беспокоятся о том, чтобы избежать непоследовательностей в грамматике. Но, впрочем, я начну обзор с языка, создательница которого не пыталась явно исправлять недостатки естественных языков – этот замысел ей лишь иногда приписывают потомки.

Lingua ignota

Хильдегарда Бингенская (1098–1179) – одна из важнейших фигур в истории средневековой немецкой культуры. В те времена женщины были намного менее активны в литературе, чем сейчас, но все же существовали некоторые жанры, в которых они были представлены наравне с мужчинами. Самый известный такой жанр – религиозная мистика. Фактически Хильдегарда стала основоположницей женской мистики в немецкой и даже шире – в средневековой европейской литературе. За ней последовали, например, Мехтильда Магдебургская (кстати, несколько фрагментов ее текстов были недавно обнаружены в библиотеке Московского государственного университета^[17]) и почитаемая в Швеции святая Бригитта. Кроме мистики, Хильдегарда занималась медициной: некоторые ее методы вновь ввел в обиход в 1970-е гг. австрийский врач Готфрид Херцка, и опрос, проведенный в 2003 г., показал, что ими пользуются 3 % немцев^[18]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Russell C. W. The life of Cardinal Mezzofanti. London: Longman et al, 1863.

2.

Trask R. L. & Stockwell P. Language and linguistics: The key concepts. 2nd ed. Abingdon, New York: Routledge, 2007. P. 24–25.

3.

Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Известия АН СССР. Отд. обществ. наук. 1931. № 1. С. 113–129.

4.

Пекелис О. Е. «Частичное согласование» в конструкции с повторяющимся союзом: корпусное исследование основных закономерностей. // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 55–86.

5.

Oostendorp M. van. Constructed language and linguistic theory. 2000. <http://www.vanoostendorp.nl/pdf/cllt.pdf>

6.

<http://www.spok.demon.nl/grammatica>

7.

Я благодарю Марию Коношенко за указание на этот пример.

8.

Kouadio N'Guessan J. Description systematique de l'attie de Memni. Thèse de doctorat. Vol. 1. Grenoble: Univ. de Grenoble III, 1996. P. 441–442.

9.

Borges J. L. El idioma analítico de John Wilkins // Otras inquisiciones. Русский перевод: Борхес Х. Л. Аналитический язык Джона Уилкинса // Новые расследования. – М.: АСТ, Neoclassic, 2015.

10.

Дуличенко А. Д. Международные вспомогательные языки. – Таллин: Валгус, 1991.

11.

Eco U. La ricerca della lingua perfetta nella cultura europea. Roma; Bari: Laterza, 1993. Русский перевод: Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. Пер. с итал. А. Миролюбовой. – СПб: Александрия, 2007.

12.

Сидорова М. Ю., Шувалова О. Н. Интернет-лингвистика: вымышленные языки. – М.: 1989.py, 2006.

13.

Okrent A. In the land of invented languages: Esperanto rock stars, Klingon poets, Loglan lovers, and the mad dreamers who tried to build a perfect language. New York: Spiegel & Grau, 2009.

14.

Rogers, S. D. A dictionary of made-up languages: from Adûnaic to Elvish, Zaum to Klingon – the Anwa (real) origins of invented lexicons. Avon, Mass: Adams Media, 2011.

15.

Peterson D. J. The art of language invention: From Horse-Lords to Dark Elves, the words behind world-building. London: Penguin Books, 2015.

16.

<http://inthelandofinventedlanguages.com/index.php?page=languages>

17.

Мехтильда Магдебургская. Струющийся свет Божества. Перевод и исследования. Автор-составитель Ганина Н. А., пер. со ср. – верх. – нем., комм. Ганиной Н. А., статьи Ганиной Н. А., Найджела Ф. Палмера. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014.

18.

<http://www.stern.de/gesundheit/gesundheit-deutsche-vertrauen-alternativer-medizin-3519850.html>